

С.И. Голод

ПЕРСПЕКТИВЫ МОНОГАМНОЙ СЕМЬИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

В статье обсуждаются неудачные попытки социологов, демографов и футурологов представить семью XXI в. По мнению автора, это следствие идейной «зашоренности» и «бездушного» эмпиризма. Чтобы достигнуть искомого, предлагается четко различать две системы координат – предсказуемую, исходящую из анализа глобальных структурных сдвигов, и не поддающуюся скрупулезно расписанным сценариям. Проще говоря, нет оснований трактовать те или иные эмпирические закономерности, к примеру, будут ли существовать однодетные семьи, если будут, то как широко. Иное – высказать общетеретические соображения о вероятной направленности трансформаций данного института. Именно последним посвящено исследование.

Предварительно выскажу, казалось бы, тривиальную истину: цель социальной теории заключается не столько в том, чтобы интерпретировать факты, сколько в том, чтобы создать базу для прогнозов более убедительную, чем простая экстраполяция наблюдаемых здесь и сейчас эмпирических закономерностей на будущее. Пренебрежение этим достаточно прозрачным положением открывает простор для тенденциозности и идеологической зашоренности. Вот несколько типичных мифологем.

Отечественный социолог в конце 70-х гг. XX столетия декларировал отмирание в ближайшее время браков по расчету, изживание поздних браков, упрочение эмоциональных связей с родственниками, уменьшение количества бездетных и неполных семей [1, с.347, 354, 357]. Минуло четверть века, и тем не менее не зафиксировано признаков, например, сокращения *неполных семей*, напротив, их доля год от года возрастает.

В том же нормативистском ключе высказывается и российский футуролог. Ссылаясь на изучение некоей «глобальной демографической ситуации», обывателя пытаются убедить в том, что за пределами первых десятилетий XXI в. не будут существовать ни одиночки, ни однодетные семьи, ни разводы [2, с.183]. Такому, с позволения сказать, прогнозу не откажешь в смелости, но не более того. Нет никаких веских оснований – ни социологических, ни демографических, ни психологических – которые могли бы, скажем, способствовать снижению числа разводов до практически мизерного уровня. Скорее наблюдается противоположная тенденция, обусловленная в первую очередь ростом индивидуальной свободы мужчин и женщин в индустриальном обществе как в фазе «ухаживания», так и в рамках брачных отношений.

О подавляющем большинстве версий, трактующих будущее институтов или процессов, можно в одно и то же время сказать: имеется достаточно оснований от них отказаться, однако именно это и невозможно реально осуществить, так как исследователю по природе присуще стремление заглянуть за горизонт. Наглядный урок в этом отношении преподают специалисты по народонаселению. Их попытки точными методами исчислить прокреативное поведение трудно назвать успешными. К примеру, Ф. Нолштейн в 1944 г. предсказывал резкое снижение численности населения в Европе и СССР к 1970 г. [3]. Вскоре после публикации этой работы кривая рождения «поползла» вверх.

Часть демографов, по-видимому, отчаявшись статистически уловить процесс трансформации семьи, обратилась просто-таки к сюрреалистическим прогнозам. «В условиях большого долголетия и здоровья, освобождения от мелких изнурительных забот современного быта, изменения образа жизни и создания неведомых нам условий существования вообще сложатся психофизиологические предпосылки не только для большего накала, но и большей продолжительности любовного чувства, которого может хватить на всю долгую жизнь», – пишут украинские специалисты по народонаселению В.П. Пискунов и В.С. Стешенко. Однако это не будет означать, конечно, безраздельного торжества какого-то стандарта поведения в новом обществе, ибо, как предвидел Ш. Фурье, «вакханки здесь столь же необходимы, как весталки» [4, с. 89–90]. Нельзя не отреагировать на такую новацию. Оставим на совести авторов все туманные намеки на преобразование этоса и рост продолжительности жизни. Ясно одно: для зарождения и проявления эротического чувства психофизиологические предпосылки несомненно важны, но, по большому счету, дело сегодня не в них. Сексуальная база для любовного сопереживания – величина достаточно постоянная, тогда как социокультурная – лабильна и разнонаправленна. В то же время признаем, что во всякой утопии есть частичка здравого смысла. И замечание Ш. Фурье о многообразии семейных типов, детерминированных оттенками проявления «феминности», представляется небезынтересным. Правда, выбор в качестве образцов весталок и вакханок трудно признать удачным, ибо практики ни тех, ни других не центрированы на матримониальности. В самом деле, весталки – жрицы богини священного очага (Vesta) – избирались, как известно, из числа девочек 6–10 лет; они должны были сохранять девственность в течение тридцати лет, за нарушение коей замуровывались живыми. В свою очередь, вакханки – служительницы бога плодоносящих сил земли Диониса (символом которого служил фаллос) – участницы экстатического культа. Опоясанные змея-

ми, они все сокрушали на своем пути, охваченные священным безумием. С воплями «Вахх, Эвое» они славили Диониса Бромия («бурного», «шумного»), били в тимпаны, упиваясь кровью растерзанных диких зверей, вырывая с корнями деревья и увлекая за собой толпы женщин и мужчин. Вместе с тем, как много было ранее показано [5], сексуальное поведение женщин характеризует экспрессивное разнообразие – «викторианки» (максимально скованные), «венерианки» (коккетливо игривые) и «амазонки» (неприкрыто напористые). Половые субкультурные различия не случайны, но и не фатальны. В XXI в. ничто не препятствует росту избирательности и инновационным поискам как женщин, так и мужчин. Эти различия не создают непреодолимых барьеров на пути интериоризации казалось бы «чуждых» образцов, приписываемых традицией исключительно одному из полов. Так, поведение женщин с откровенно рациональными или садистическими наклонностями, равно как и мужчин с ярко выраженными эмоциональными или мазохистскими чертами в настоящее время уже воспринимается не как аномалия, а скорее как вариант нормы (парафилия). С другой стороны, в эротических практиках рельефнее, чем в любой другой сфере взаимодействия социальных акторов, высвечиваются границы толерантности, выход за пределы которых чреват утратой гендерной специфики.

При обсуждении представленных попыток прогнозирования склоняешься к заключению о неуловимости будущего народонаселения, родства и семьи. Но тут же ловишь себя на мысли: не является ли такая постановка вопроса свидетельством чрезмерного ригоризма? По поводу перспективы института семьи футурологи, демографы и социологи должны, по моему мнению, четко различать две системы координат – предсказуемую, исходящую из анализа глобальных структурных сдвигов, и не поддающуюся скрупулезно расписанному сценарию. Проще говоря, нет оснований трактовать те или иные эмпирические закономерности, – скажем, будут ли существовать однодетные семьи, если будут, то как широко. Иное – высказать общетеоретические соображения о вероятной направленности эволюции института. Именно последним я и собираюсь посвятить дальнейшие страницы.

В известном смысле представить себе институты наступившего века означает «вычлениль» в современных трансформациях, в данном случае относящихся к семье, стабильные тенденции с учетом инерционности социальных и культурных норм. Следуя этому тезису, можно утверждать, что, несмотря на негативно оцениваемое обществом (и отчасти научным) сознанием умножение числа разводов, раздельных проживаний супругов, нелегитимных сексуальных контактов, снижение уровня рождаемости и т.п., неизбежность института семьи, в принципе, ни один аналитик не ставит под сомнение. Проблема вот в чем: какую модель (форму) он примет?

Ряд специалистов экономически развитых стран, начиная с 70-х гг. прошлого века, последовательно проводят идею концентрации семейной жизни скорее вокруг супругов, чем детей. Само собой разумеется, каждому из авторов этот институт видится по-своему, исходя из менталитета (*mentalits*), т. е. «склада ума», мировидения. К примеру, американский социолог Р. Вейс [6] особую значимость приписывает скачкообразному росту дохода, увеличению продолжительности обучения мужчин и женщин, эффективности контроля за деторождением и расширению личностной автономии всех членов семьи. Несколько фрагментарных пояснений, надеюсь, позволят конкретизировать эту общую схему.

В индустриальных странах, и особенно в США, наметился во второй половине XX столетия постоянный рост личного дохода. Одно из ожидаемых прямых следствий — уменьшение внутрисемейной взаимозависимости, освобождение супружеской пары от необходимости тщательного финансового планирования. Достаток, как ожидалось, предоставит возможность для многих замужних женщин из низших экономических страт отказаться от профессиональной деятельности, а в средних слоях освободит жен от ответственности работу по дому; в обоих случаях устранился решающая причина семейного напряжения — относительная бедность. Важен, разумеется, не только рост дохода, но и его надежность. Материнство станет деятельностью, занимающей лишь часть свободного времени, и потому женщина сможет развивать свои профессиональные и/или духовные интересы, что в конечном счете будет способствовать снижению ее социокультурной зависимости от мужа.

Люди, полагает исследователь, используют деньги и для того, чтобы переустроить пространство. Супружеская пара станет проживать отдельно от других взрослых, включая и своих собственных детей, на протяжении всей жизни. Уменьшение частоты регулярных «обменов» с родственниками понизит теплоту эмоциональных контактов с ними, изолирует тем самым нуклеарную семью. Вдобавок интенсификация мобильности затруднит поддержку дружественных связей, брачные партнеры будут вынуждены в большей степени опираться друг на друга. Мимходом американский социолог подметил одно существенное обстоятельство: если у рабочего класса, представителя «классического индустриального общества», стабильность ассоциируется с семейными ценностями, то у средних слоев населения, связанных с «цивилизацией рисков» (У. Бек) — с надежной карьерой. Отсюда понятно его заявление о превращении образования в решающую сферу жизни. Продвинувшись по службе во второй половине века, по Вейсу, станет возможным почти исключительно при помощи непрерывного образования. Само собой разумеется, увеличение сроков обучения опосредованно отразится на семье, так как оно отсрочивает вступление в профессиональную деятельность индивида порой до начала третьего десятилетия его жизни. Помимо того, длящееся обучение видоизменяет интересы и ценности человека. В описанных условиях индивиду не так просто решиться на брак и еще сложнее быть уверенным в его стабильности. С другой стороны, люди, состоящие в сожительстве (cohabit), вероятно, будут склоняться к заключению официального союза отчасти чтобы утвердить свою искренность к партнеру, а отчасти чтобы манифестировать родственникам и ближайшему окружению, что «они пара». Другое видимое последствие длительного обучения, сказывающееся на устойчивости семьи, — сложность совместимости двух непрерывно меняющихся людей. И, наконец, есть убедительные основания полагать, что все больше женщин, получивших престижную профессию (скажем, врача или филолога), будут стремиться к применению своих знаний на практике. Не секрет, что карьера жены, имеющей креативную профессию, создает психоэмоциональные трудности для мужа. По-видимому, полагает социолог, какое-то число мужчин и женщин смогут по плечу организовать семейную жизнь наподобие работы, где обязанности распределены относительно поровну, независимо от пола, и таким образом им удастся избежать потери энергии. Вместе с тем легко предвидеть: во многих случаях такого результата достичь не удастся, что неизбежно приведет к стрессовым ситуациям.

Наиболее очевидное следствие массового распространения методов контрацепции — предоставление молодым парам возможности самим решать: иметь ли детей и если иметь, то в каком возрасте и сколько. Отсюда вполне оправдано предположение, что пары, особенно те, которые заканчивают профессиональное обучение, создадут семью относительно поздно. Родители не только станут старше, но и, вероятно, будут более дистанцированы от своих детей.

Итак, материальный достаток, мотивация на карьеру как мужчин, так и женщин, удлинение сроков образования, повышение эффективности контрацепции, а значит, и планирование рождаемости — все это, на взгляд социолога, снизит значимость взаимоотношений родителей и детей. Тому же, впрочем, способствует и передача основной части забот о подрастающем поколении внесемейным воспитателям. Ребенок станет проводить большую часть года в школе, а лета — в лагере. И еще. Не только пространственное отдаление, но и снижение эмоциональной зависимости от родственной группы формирует у молодых людей представление о себе как ответственных в решающей мере за выработку собственного экзистенциального мира. Этика самореализации ставит, как правило, *верность браку* в прямую зависимость от того, что он открывает для личности.

Ограничусь панорамным импрессионистским заключением. Американский исследователь ожидал, что семья где-то лет через двадцать-двадцать пять будет базироваться на интимной связи, напрямую зависящей от наличия постоянной атмосферы доверия между партнерами и от веры каждого из них в преданность и понимание *другим*. В семье количество детей сведется к минимуму, появление их планируется на довольно поздней стадии брака и, хотя каждый ребенок будет желанным, ответственность по уходу за детьми в значительной мере возложится на профессионалов. Рисуя ближайшие перспективы, Р. Вейс предсказывал сосуществование наряду с идеальным типом (несколько романтизированным) еще в течение ряда лет и других моделей семьи, в том числе и альтернативных моногамии [7].

В своем монографическом исследовании французский социолог и демограф Л. Руссель [8] наметил судьбу института семьи. Какую гипотезу можно выдвинуть в качестве правдоподобной относительно перспектив семьи? — задается он вопросом. И размышляет: есть все основания полагать, что будущее любви представляется отнюдь не в радужном свете. Страстные чувства, клятвы без оглядки, высокая готовность к страданиям вряд ли совместимы со стремлением к *автономии*, свойственным молодым поколениям. Спору нет, и в третьем тысячелетии не перестанут влюбляться, но, по-видимому, у многих влюбленность будет сопровождаться сдержанностью и опасениями. Звучит, не правда ли, парадоксально? Любить, но с оглядкой.

Именно это противоречие, по мысли французского аналитика, способствует возникновению модели супружества, базирующейся на непринужденной гибкой солидарности между мужем и женой. Л. Руссель обозначил такой идеальный тип — «семья-клуб» (*la famille-club*). Смысл термина вот в чем. Здесь не претендуют на великую любовь, супруги главным образом ищут доброго согласия, балансируя между фрустрацией и удовольствием, окончательные решения принимаются в результате предварительных переговоров. Ребенка во многом воспринимают как партнера, за которым признаются определенные права, ожидая

при этом взамен получить «воздаяние». Словом, речь идет об общности, функционировавшей на основе своего рода контракта (партнерства), и достаточно одному из супругов отречься от него, чтобы договор утратил силу. Эта модель является по сути «отменяемой», разрыв принимает характер не краха или провала, а эвентуальности, всегда возможной в соответствии с принятыми условиями. Поэтому в данном случае юридически зарегистрированный брак и «свободный союз» почти не различаются. Выбор между этими моделями связан скорее с соображениями удобства, нежели с принципами.

«Ассоциативные пары», с точки зрения французского специалиста, в ближайшие годы будут умножаться по сравнению с другими моделями, поскольку они соответствуют общественным представлениям. А посему то, что социально очевидно, как правило, не может быть краткосрочным. Пока сравнительно большая часть населения «сожительствует» до правовой регистрации брака, пока развод — обиденное дело (атрибут брака), подобная практика, пусть ее даже осуждают официально, рассматривается молодыми поколениями как нормальное явление. Частота ее распространения придает указанным парам легитимность, а легитимность, в свою очередь, обеспечивает им сохранность, по крайней мере на продолжительное время.

Насколько устойчивы обозначенные тенденции? Л. Руссель убежден, — и я с ним полностью солидарен — при условии, что никакой чрезвычайный кризис не потрясет общество*, брак и семья в ближайшие десятилетия будут трансформироваться в том же направлении: культурная инерция будет следовать своей логике. Практики большинства пар будут, безусловно, обогащаться, поскольку инерция означает не топтание на месте, а медленное продвижение в том же направлении. Не исключено, что более отчетливо проявятся некоторые традиционные свойства семьи (относящиеся к меньшинству населения), но они, без сомнения, не приведут ни к реставрации «патриархальных» моделей, ни к застою**. Вряд ли можно ожидать спонтанного развития новых установок по отношению к брачности и рождаемости. Сохранится нынешний плюрализм моделей, при этом привилегированное место займет «семья-клуб». Новое социально-экономическое положение женщины, ее равенство с мужчиной, исчезновение кардинальных различий между мужскими и женскими ролями в семье — все это, вероятно, еще более утвердится. Наконец, институциональные аспекты брака становятся менее значимыми, что, естественно, способствует сохранению и даже росту числа «свободных» союзов во всех возрастных когортах. Руссель в принципе допускает возможность, хотя и считает ее маловероятной, что противодействие описанному положению вещей приведет к формированию нового проекта семейной жизни.

---

* К вероятным экстернальным влияниям, которые могут представлять более или менее серьезную угрозу современному общественному равновесию вообще и семейным моделям в частности, французский аналитик относит: внезапные экономические кризисы, непредвидимые последствия эпидемии СПИДа, неконтролируемый прогресс биологии и генетики (в частности, клонирование).

** По-иному мыслит ряд российских демографов. Будучи озабоченными резким падением рождаемости, они призывают вернуться к семье, гарантирующей многодетность. Невозможно себе представить, что в ближайшее время большинство супружеских пар «вдруг» воспримут контрацепцию как преступную уловку, противную природе, и согласятся отказаться (как то проповедуют и мировые религии) от контроля за деторождением в угоду «ученым» мужьям, настаивающим на необходимости иметь «запасных» детей [9].

Таким образом, если американский социолог акцентировал прагматику (доходы, образование, контрацептивы и т. п.), то французский – обрисовал эмоциональный фон отношений и духовную устремленность (автономию) социальных акторов – и то, и другое способствует модернизации семьи.

Французского исследователя независимо поддержал английский: никогда раньше мужчины, женщины и дети, замечает Р. Флетчер, как в семье, так и вне ее не имели такой личной свободы, равенства статусов и взаимопонимания, как сегодня [10]. Семья в Великобритании, по его убеждению, сформировалась в соответствии с принципами и ценностями индустриального общества – общества высокого материального и морального благополучия, обеспечения прав человека и социальной справедливости. Мало того, эта модель, настаивает социолог, постепенно превращается в универсальную принадлежность всего глобального мира*.

Правомерен вопрос: как этот универсум может быть вкратце охарактеризован? Семья, по мнению специалиста, оставаясь первичной общностью социума, превратилась к настоящему моменту в самую интимную группу, обладающую близко разделяемым чувством солидарности полов и поколений и отвечающую глубоким, взаимно требовательным личным потребностям. Большинство англичан не только надеются вступить в этот союз (по меньшей мере 80 % опрошенных), но и фактически в нем состоят, стремясь при этом к сохранению и «усовершенствованию» брака. В согласии с Г. Горером [12], Флетчеру представляется наиболее перспективной моделью семьи – функционирующей, разумеется, наряду с другими, – «брак между добрыми друзьями» (The Marriage of Good Friends). И раскрывает метафору: не любовь или сексуальное удовольствие, а семья – самоценна; брак же – взаимное созидание жизни и совместное воспитание детей.

Французская «семья-клуб» и английский «брак между добрыми друзьями» в известном смысле отражают национальную специфику, но в целом (не забудем и о США) речь идет, без сомнения, о становлении постмодерной, подверженной многочисленным рискам, форме семьи – «брачной». Еще один важный пассаж. Р. Флетчер не менее последовательно, чем Л. Руссель, проводит мысль о взаимозависимости семьи и общества. Прогресс индивида, семьи, нации, замечает он, становится великим не только благодаря вглядыванию в себя, но и также благодаря преданности целям, лежащим вне этих границ. И уточняет: не может быть стабильной, гармоничной семья, в которой индивид живет сидя у телевизора, занятый исключительно созерцанием своего внутреннего мира. Если, однако, в критический момент нашего времени люди посвящают себя сотрудничеству с другими, формированию общества, нравственные принципы которого ясны, то мы станем более энергичными, а наша жизнь – более

---

* Не может не удивлять прозорливость Ф. Ле Пле. Французский социолог XIX в., напомины, на обширном евразийском пространстве обнаружил и тщательно описал модальные типы семьи – «патриархальный», «неустойчивый» и «коренной», которые, согласно его концепции, соответствовали определенному уровню развития экономики и состоянию духа народности. Иными словами, чем прогрессивнее семейный тип, тем выше у каждого члена общности потенциал для раскрытия индивидуальности и формирования экзистенциально-нравственного императива. Определяя адекватность семьи той или иной нации, Ле Пле вместе с тем отдавал безоговорочный приоритет «коренному» типу, так как именно здесь создаются наилучшие условия для проявления свободы духа и предприимчивости. Первопроходцы, по классике, – скандинавы и англосаксы, они задают общий ориентир другим народам [11].

осмысленной, за тот страх за стабильность, здоровье, счастье и исчезнет тип семьи, который ныне формируется [10, р. 269]. Согласимся, несмотря на безудержный пафос, суть идеи прозрачна – институт семьи трансформируется как по законам общества, так и по имманентным ему (этому институту), которые вместе взяты и открывают простор для проявления личностного многообразия.

В конце 1970-х гг. мною были замыслены исследования российской городской нуклеарной семьи*. На этапах сбора эмпирических данных, их интерпретации, подготовки рукописи к изданию я столкнулся с рядом трудностей**. И все же настоящая «буря» разыгралась после публикации книги [14]. Много позднее в обобщающей статье по проблемам рождаемости в России демограф О. Захарова попыталась разъяснить ситуацию: «.. в 1984 г. вышла в свет вызвавшая огромный интерес работа С.И. Голода, посвященная анализу *основных направлений эволюции семьи и процесса становления ее современной формы* [курсив мой – С.Г.]. Через призму новой семейной организации, центром которой является собственно супружество, автор рассматривал и все вопросы, связанные с осуществлением репродуктивной функции семьи, и возможности воздействия на нормы детности. Подход автора и многие его выводы вызвали шквал критики, однако ценность книги прежде всего в том, что она, в отличие от большинства других, базируется на собственных углубленных эмпирических исследованиях» [15, с. 409]. Атмосфера тех лет, царившая вокруг социологических обобщений относительно трансформации семьи и воспроизводства населения, признаем, подмечена с убедительной точностью. Действительно, на мою книгу в те годы появились противоречивые рецензии.

В большом аналитическом обзоре, подготовленном Н.В. Маляровой, научным сотрудником Отдела социологии семьи Института социологии АН, отмечалось: «Рецензируемая книга невелика по объему, но можно с уверенностью сказать, что она не затеряется среди других публикаций. Новизной постановки многих вопро-

---

* В целом к тому времени было подлинно известно, что городская семья, особенно европейской части страны, по своей структуре преимущественно нуклеарна. Основательно эту проблему представил московский демограф А.Г. Волков. Согласно его выводу, «весьма высокая доля простых семей, зафиксированная двумя последними переписями (1970 и 1979 гг.), свидетельствует о том, что процесс нуклеаризации [в России – С.Г.] происходит достаточно интенсивно» [13, с. 218].

** По государственной теме мною изучались факторы, влияющие на стабильность семьи. Предполагалось описать взаимоотношения супругов. Для реализации указанной цели объектом наблюдения была выбрана брачная пара, с учетом этого обстоятельства и составлялся вопросник. Как принято было в ту пору, методика послалась на утверждение в соответствующее подразделение Обкома КПСС. В один из дней заведующий отделом социологии ИСЭП АН В.А. Ядов и я как непосредственный исполнитель были вызваны к заместителю директора по науке А.В. Дмитриеву. Мы застали профессора *озабоченным и напуганным*. Оказывается, позвонили из Обкома и сообщили, что мою «анкету» не утвердят, пока не будут исключены из нее вопросы о сексуальном поведении супругов. Я попытался убедить зам. директора академического института в том, что изучать супружество без анализа сексуальных взаимодействий брачных партнеров бессмысленно. Но он уперся – и ни в какую. Естественно, я отказался проводить *плановое* исследование. В свою очередь, Дмитриев пообещал применить санкции, в чем он был мастак. И тогда хитроумный В.А. Ядов (наследник Одиссея!) придумал ход. «Брось, Сергей, настаивать, – сказал он. – Их не переубедить. Поэтому мы поступим следующим образом. Пошлем “анкету” в том виде, в каком их устраивает (Обком и Дмитриева), а сами наберем вопросы о сексуальности на отдельном листке и после официального утверждения вклеим в каждый экземпляр отдельно». Так и поступили. Вся операция прошла никем не замеченной, хотя указанная страница и выделялась среди прочих. Многие респонденты удивлялись: почему все другие вопросы расположены с двух сторон листа, а про это – с одной стороны.

сов, серьезностью их проработки, ценным эмпирическим материалом она вызовет интерес социологов и демографов – всех, кто задумывался над судьбами института семьи» [16, с. 203]. И далее с точностью донельзя уловлено рецензентом главное, с чем связывалась мною будущность семьи: «Согласно С.И. Голоду, супружество – сущностное ядро современной семьи, стабильность которой поэтому зависит прежде всего от супружеской взаимодовлетворенности. Для подтверждения и конкретизации этой зависимости автором были выполнены эмпирические исследования факторов стабильности семьи, в ходе которых изучались взаимодействие и взаимообусловленность основных компонентов супружества – «адаптация», «интимность» и «автономия», выступающих и как главные семейные ценности, и как механизм функционирования и развития современного брака» [16, с. 204]. Затем подчеркивалось и другое важное обстоятельство: «выделение рассмотренных механизмов-ценностей позволяет лучше понять причины дестабилизации семейных отношений, нарушения функционирования семьи. Наглядно виден тот сложный путь, который должны пройти супруги за время совместной жизни, более того, ясно, почему не всем удастся избежать на нем ошибок и потерь» [16, с. 205]. Конечно же, не были обойдены вниманием и недостатки. В их числе указывались следующие: «...автору не всегда удается найти форму, отвечающую содержанию его работы. Многие важные мысли изложены скороговоркой, теоретический и эмпирический материал не всегда достаточно разграничены. Встречаются и просто неудачные выражения <..> «адаптационный синдром» или «гуманоидные ценности» и т. д.» [16, с. 206]. Несмотря на эти замечания, заключительный аккорд звучал весьма оптимистично: «Автор вносит существенный вклад в разработку социологической теории семьи, встраивая еще одно звено в структуру категорий и понятий, связанных с природой и закономерностями функционирования супружества, являющегося ядром современной семьи» [16, с. 206]. Относительно последнего обобщения замечу, что даже сам исследователь не смог бы так лаконично сформулировать смысл концепции. Вместе с тем внесу уже на данном этапе рассмотрения моей конструкции одно существенное уточнение – речь в монографии шла не столько о современной, сколько о постмодерной семье, которая в России в ту пору только-только формировалась.

В целом в таком же духе высказалась об исследовании и Ангелика Отто, опубликовавшая отклик в немецком социологическом ежегоднике в 1988 г. По ее мнению, в книге раскрывается чрезвычайно важная, центральная для социологии семьи тема – тема *стабильности* этого института. «Автором, – настаивает рецензент, – избран предмет изучения, остро интересующий социологов семьи разных стран» [17, с. 615]. Она подробно изложила основные гипотезы и привела в их подтверждение эмпирический материал. Это дает возможность А. Отто заключить следующее. В своей монографии С.И. Голод развил типологический подход относительно семьи, основывающийся на мере интенсивности взаимодействия супругов, с одной стороны, и на ее (семьи) «полноте» или «неполноте» – с другой. Рецензент так оценивает исследование в целом: «В книге представлено много интересных подходов, даны импульсы к их осмыслению и дальнейшим дискуссиям. Исходя из этого, прочитать ее рекомендуется каждому исследователю, работающему в области социологии семьи» [17, с. 617].

Наряду с приведенными рецензиями, прочувствовавшими, кстати, «нерв» семейных трансформаций, появилось развернутое письмо в редакцию профессиональ-

ного журнала, хотя и единичное, но выражавшее довольно распространенный (особенно в среде демографов, назову хотя бы В.А. Борисова, А.Б. Синельникова) консервативный взгляд на незыблемую «правильную» ячейку общества, воспроизводящую нужное (!?) число детей, социализированных в «едином» мировоззрении. Что это — многообразие взглядов и интересов? Отнюдь. В данном случае просматривается фантазмагорическое искажение замысла моей монографии. Не буду голословным, приведу несколько выдержек из «письма». У оппонента вызывает неприязнь суть концепции — «попытка доказать прогрессивность процесса трансформации семьи в семью «супружеского типа», т. е. такую, которая базируется не на экономической и репродуктивной функциях, а на психологическом, культурно-интеллектуальном и сексуальном взаимодействии супругов. Эта идея неверна по существу» [18, с. 156].

Зададимся вопросом: на чем зиждятся отношения родства, порождения и свойства, т. е. семья? У автора «письма», сотрудника и коллеги Н.В. Маляровой по Отделу социологии семьи ИС РАН, ответ готов: «Брак и семья конституируются прежде всего экономическими и репродуктивными отношениями, хотя этим, конечно, не умаляется значение всех других отношений, которые оказываются надстроечными» [18, с. 156–157]. Само по себе это высказывание — не что иное, как псевдомарксистская риторика, которая не способна вскрыть реальные процессы, происходящие с институтом семьи (и в семье). Социологу (впрочем, и демографу), стоящему на таких позициях, ничего доказать невозможно. Он в лучшем случае принимает лишь ссылки на авторитеты. Ну что ж, обратимся к ним. Известный немецкий социолог-марксист конца XIX в. Ф. Энгельс высветил будущее моногамной семьи через генезис и эволюцию этого института. Он, в частности, показал, что семья в своем развитии прошла многовековой и сложный путь, вершина которого — пожизненное единобрачие. И главное: последнее состояние — не застывшая форма, ибо семья находится как под непосредственным, так и опосредованным воздействием общества, в силу чего будет и в дальнейшем изменяться вместе с ним. С большой долей вероятности, полагал немецкий исследователь, в обозримом времени моногамия в тех или иных моделях не утратит своей привлекательности для подавляющей части населения христианского мира. Если все же этот тип исчерпает внутренний потенциал, то ему на смену придут иные модели, не известные действующим поколениям. Поэтому вместо того чтобы гнаться за миражами, разумнее оставить выбор молодежи будущего. Предоставим слово автору: «То, что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранено. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они пошлют к черту все то, что им сегодня предписывается делать как должное, они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности» [19, с. 85]. И такое время, утверждаю я без обиняков, наступило: на смену индустриальной ци-

виллизации пришла цивилизация «риска» (или постиндустриальная, информационная и т. п.) и соответственно: семье «детоцентристской» — семья «супружеская».

Не пройду мимо еще одного образца научной импотенции — отсутствия интуиции и способности к рациональному конструированию. «В книге С.И. Голода, — замечает автор письма в редакцию, — рассматриваются два варианта “супружеской семьи” — моногамный и последовательно полигамный, причем утверждается, что “в настоящее время последовательная полигамия стала постоянным феноменом культуры” и что в перспективе “набирает силу супружеский тип семьи в двух означенных ипостасях”». И далее отмечает рецензент: «С.И. Голод полагает, что шансы на повторный брак у мужчин и женщин выравниваются, не приводя в подтверждение своего мнения никаких данных. Между тем, в условиях значительных различий и смертности мужчин и женщин, и, следовательно, диспропорции в численном соотношении полов, такого рода шансы не могут быть одинаковыми для мужчин и женщин даже теоретически» [18, с. 157]. Чтобы понять беспочвенность таких, мягко выражаясь, наветов, достаточно обратиться к *современным* (конца XX столетия) статистическим источникам. Повторные браки (remarriage, или как назвал этот феномен американский социолог П. Лэндис — «последовательная полигамия») — вовсе не современное явление. Они заключались и в прошлом как следствие половозрастной асимметрии. По меньшей мере с XVI столетия в Англии такого рода браки, по преимуществу, вдовцов, составляли от 25 до 30 % от общего числа заключаемых союзов. Аналогичная тенденция в XVI–XVIII вв. наблюдалась и во Франции: от 20 до 33 % всех браков заключались вдовцами. По Б. Адамсу, повторные союзы в США встречались всегда, но до XX в. почти все они были результатами овдовения*. Существенные демографические перемены, происшедшие на Западе в XIX в. (так называемый демографический переход) — изменение в смертности, а затем и в рождаемости, — повлияли на качественные и количественные параметры последовательной полигамии [20, с. 24–27]. В чем суть этих перемен?

Согласно названному американскому социологу, в 1900 г. 3 % всех новобрачных приходилось на разведенных; в 1930 г. — 9 %, а в 1975 г. — 25 %. В пределах пяти лет после развода 3/4 бывших супругов вступали в новый союз [21, с. 347]. В России, хотя и с некоторым запаздыванием, трансформация модели последовательно полигамного союза проделала в целом европейский путь:

— зафиксирован за полтора десятилетия (1980–1995 гг.) рост удельного веса повторных браков (в том числе среди разведенных с 14 до 25 %);

— устойчива и незначительна доля вдовьих среди вступающих в такого рода отношения;

— заключение последовательно полигамных союзов к началу 90-х гг. прошлого века стало событием, равновероятным для обоих полов [22, с. 68].

Есть ли смысл продолжать анализ дальнейших претензий А.И. Антонова и К^о к результатам моего исследования, или наступила пора обратиться к его достоинствам? Я склоняюсь ко второму варианту.

Мною семья рассматривается как совокупность индивидов, состоящих по меньшей мере в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства.

---

* Понятно, что Русь не стояла в стороне от общемировых процессов. Достаточно здесь упомянуть повторный брак Н.Н. Гончаровой.

Доминирование одного из названных отношений и его характер (от крайней формы половозрастной зависимости до соответствующей автономии) может служить критерием, определяющим исторический этап трансформации моногамии. Исходя из этой логики и были сконструированы следующие *идеальные* типы: патриархальный (как правило, характерен для традиционного общества); «детоцентристский» (соответствует индустриальному обществу) и «супружеский» (по преимуществу распространен в обществе «риска»). В то же время мною показано, что эти моногамные типы неконфликтно функционируют параллельно в одном историческом времени, образуя широкий спектр моделей. Больше того, мужчины и женщины способны в течение своей индивидуальной биографии прожить все указанные семейные состояния. И главное: к концу XX столетия исчезла *пропасть* между модельными семейными формами разных постиндустриальных стран – США, Англии, Франции, Германии и России – пропасть, которую в XIX в. выявил Ф. Ле Пле. Нет сомнения, сближаются те из моделей, которые мною обозначены как «супружеские». Они функционируют в двух модификациях – *моногамной* и *последовательно полигамной*. Суть такой семьи в основном сводится к следующему:

- обязательное планирование деторождения;
- принципиальная малодетность;
- предпочтение супругами личных ценностей (автономия);
- утрата институтом брака монопольного контроля за сексуальностью и прокреацией;
- плюрализм семейных и брачных моделей.

Не может не возникнуть кардинальный вопрос: существует ли корреляция между обозначенными базовыми характеристиками супружеского семейного типа и его стабильностью?* Парадокс этих моделей заключен в двойственности их статуса: с одной стороны, здесь в полной мере сложились условия для реализации индивидуальных ценностей как мужчинами, так и женщинами, как взрослыми, так и детьми; с другой – интенсификация личностной автономии делает отношения полов и поколений наиболее обнаженными и эмоционально уязвимыми. Одним из прямых следствий отмеченного напряжения является широкое распространение разного рода *инновационных* союзов – «неполные семьи» (incomplete), «материнские семьи» (maternal), «фактические браки» (cohabit), «повторные браки» (remarriage), «семьи с неродными родителями» (stepfamily), «браки с раздельным проживанием супругов» (Godwin-marriage), конкубинат (concubinatus), суаньнантаж (soignantage) и т. п. Противоречивый статус постмодерной семьи подметил – не будучи специалистом в этой области знаний – в конце прошедшего века немецкий социолог У. Бек. «Еще в 60-е годы [XX столетия – С.Г.] семья, брак и профессия как соединение жизненных планов, положений и биографий были во многом обязательны, – пишет он. – Теперь <..> нет ясности, вступает ли человек в брак и когда он это делает, живут ли люди вместе не вступая в брак, или не живут вместе

---

* Во второй половине 1993 г., находясь на месячной стажировке в парижском «Доме наук о человеке» (Maison Des Sciences De L'Homme), я посетил Национальный институт демографии, чтобы побеседовать с профессором Л. Русселем. Во время встречи мною была подарена профессору монография «Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты». Когда Русселю перевели название книги, то по его реакции стало понятно, что даже сама по себе идея возможного функционирования сегодня *стабильной* семьи воспринимается им, мягко говоря, скептически.

состоя в браке, зачинают ли и воспитывают ребенка в семье или вне семьи, с тем, с кем вместе живут, или с тем, кого любят, кто живет с другой женщиной, до или после профессиональной карьеры или в разгаре ее <..> Подобные планы и договоренности в принципе расторможены» [23, с. 149]*.

И самое последнее. Наряду с идентичностью процессов трансформации семьи для всех экономически наиболее развитых стран, выявлена и определенная российская специфика, обусловленная как минимум двумя обстоятельствами – полиэтничностью населения (иными словами, рядом расположенным существованием противоречивых обычаев и традиций) и неравномерностью «шестивия» индустриализации по территории страны. Именно с последней ассоциируется возникновение и функционирование «детоцентристских» моделей. Те страны, которые уже минули стадию индустриализации, преодолели вместе с тем и «детоцентризм» в семейных отношениях. Как подметил в последние годы жизни французский специалист по исторической демографии Ф. Ариес, «наше общество перестает быть “детоцентристским”, каким оно стало только с XVIII века. Это значит, что ребенок, к добру или к худу, утрачивает свою запоздалую и, может быть, чрезмерную монополию и занимает менее привилегированное место. XVIII–XIX века заканчиваются на наших глазах» [24, с. 228]. Что касается России (в широком смысле), то здесь лишь со второй половины XX столетия в деревенской семье, согласно выборочным исследованиям, родители, в том числе и те, кто сам смог окончить лишь начальную школу, стремились дать ребенку максимально возможное образование. Молодое поколение пользуется намного большим числом материальных и духовных благ, чем в прошлые годы. На них уходило в 1960–х гг., по наблюдению социологов, от одной четверти до половины бюджета семьи. Дети, по словам большинства родителей, – главный смысл семьи [25, с. 189]. Вместе с тем, если на Западе – в латышской семье, «дети все чаще служат объектом творческой воспитательной деятельности – формирования новой личности» [26, с. 29], то на Востоке – в киргизской семье, изыскиваются с большим трудом средства на покупку одежды, посещение кино и другие развлечения. Многие родители стремятся дать детям образование и специальность [27, с. 65]. Мой опрос, проведенный в 1990 г. в Ленинграде, засвидетельствовал «детоцентристскую» семью в качестве модальной, а «супружескую» – только в наиболее «продвинутых» (образованных) слоях населения, одновременно для всех без исключения социальных категорий оказались показательны, правда, в разной мере, «инновационные» модели. Отсюда не выглядит лишним основанием утверждение о встроенности российской моногамной семьи в общеевропейский модернизационный процесс.

Литература

1. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.
2. Бестужев-Лада И.В. Будущее семьи и семья будущего в проблематике социального прогнозирования // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М.: Финансы и статистика, 1986.
3. Notestein F.W. La population future de L'Europe et de L'Union Soviétique. SDN, Genève, 1944.

---

* Эти трансформации, подчеркну, были вскрыты в 1986 г.

4. Пискунов В.П., Стешенко В.С. К теоретическому обоснованию демографической политики развитого социалистического общества // Демографические тетради. Вып. 6-7. Киев, 1972.
5. Голод С.И. Сексуальное поведение и субкультурная дифференция полов // Социологический журнал. 1994. № 4.
6. Weiss R. Marriage and the Family in the Near Future // The Family and its Future. A Ciba Foundation Symposium / Ed. By R. Elliott. London, 1970.
7. Weiss R. The Emotional Impact of Marital Separation // Journal of Social Issues. 1976. Vol. 32. № 1.
8. Roussel L. La Famille incertaine. Paris: Editions Odile Jacob, 1989.
9. Синельников А.Б. Социально одобряемые причины разводов в прошлом и настоящем // Социологические исследования. 1992. № 2.
10. Fletcher A. The Shaking of the Foundations. Family and Society. London-New York: Routledge, 1988.
11. Ле Пле Ф. Основная конституция человеческого рода. М., 1897.
12. Gorer G. Sex and Marriage in England Today. London: Thomas Nelson, 1970.
13. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М.: Мысль, 1986.
14. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984.
15. Захарова О. Исследования демографических процессов и детерминации рождаемости // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.
16. Малярова Н.В. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984 // Социологические исследования. 1985. № 2.
17. Otto Angelika. S.I. Golod. Stabilnost semji: sociologičeskij i demografičeskij aspekty. Nauka, Leningrad, 1984 // Jahrbuch für Soziologie und Sozialpolitik. 1988. Theoretische Grundprobleme der Ertorschung der Lebensweisü im Sozialismus. Berlin: Akademie-Verlag, 1988.
18. Антонов А.И. Давайте разберемся // Социологические исследования. 1986. № 1.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. В 30 т. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполигиздат, 1954.
20. Thinger-Tallman M., Pasley K. Remarriage. London, New Delhi: Sage Publications, Newbery Park, 1987.
21. Adams B. The Family. A sociological interpretation. Orlando, 1986.
22. Население России. 1996 // Ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: ЦДЭИ ИНП РАН, 1997.
23. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
24. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988.
25. Панкратова М.Г. Функция семьи в понимании современного сельского жителя // Производственная деятельность женщины и семья. Минск: Изд-во БГУ, 1972.
26. Эглите П.А. Приближение фактического числа детей в семье к желаемому ими // Перспективные тенденции развития населения Латвийской ССР. Рига: Зинатне, 1986.
27. Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960.